

От редакторов рубрики

Предлагаемая рубрика посвящена теме китайского и корейского присутствия в сельском хозяйстве России на протяжении полутора столетий. Китайцы и корейцы как иностранные или российские подданные/граждане обрабатывали земли Приамурья и Приморья с момента их присоединения в 1858 и 1860 годах. Отчуждение земель на рубеже XIX – XX веков сократили, а депортация и принудительное переселение в 1930-х годах ликвидировали иностранное участие в аграрном секторе российского и советского Дальнего Востока на пять десятилетий. Однако, как только на рубеже 1980-х – 1990-х годов вместо плана пришел рынок, китайцы и корейцы вернулись, заняв сначала трудоемкие ниши, а затем став ключевыми производителями товарных капиталоемких культур, таких как соя. Более того, их присутствие перестало ограничиваться Дальним Востоком: тепличные хозяйства распространились по всей России через этнические деловые сети.

Дискуссия о китайских и корейских подданных/гражданах в российском сельском хозяйстве – это не просто обсуждение вопросов иностранного участия (их труда, капитала или знаний) в отдельном секторе экономики. Рассматриваемая проблематика связана с землей как территорией и как ресурсом, требующимся в больших масштабах для аграрного производства. Земля, помимо социально значимых вопросов владения и пользования, неразрывно связана с вопросом суверенитета, способностью государства подчинять и регулировать тех, кто "живет" на земле, наделять их политической субъектностью¹. Земля жестко зафиксирована в пространстве, ее невозможно переместить и тем самым изъять, поэтому государство и капитал должны изобретать различные режимы ее отчуждения. Сама полезность земли, ее способность удовлетворять человеческие потребности и соответственно выбор производимой продукции, зависит от этих режимов². Эту особенность сельского хозяйства хорошо описывает недавно появившийся термин "продовольственного суверенитета" как права наций и народов управлять своими продовольственными системами³. Этим термином осмысливается история развития сельского хозяйства в эпоху глобализации, однако он актуален и для более длительного периода, если в центр ставится вопрос: кто решает, что такое нация и каков ее состав, и как нация должна питаться.

Принимая во внимание сложность взаимоотношений тех, кто наделен государственной властью или представляет государство, и крестьян или фермеров, которые обычно остаются вне политики и не имеют к ней прямого доступа, мы решили собрать статьи под общей концепцией "искусство быть (не) подвластным". Это несколько модифицированная фраза из названия книги известного антрополога Дж. Скотта⁴, которая позволяет хорошо ухватить суть нашего стремления увидеть в китайских и корейских крестьянах, фермерах и аграрных предпринимателях не серую массу и объект с четко заданными этническими и социальными ролями, а субъектов, которым пытаются определить их роль и полезность в российском обществе, но которые, в свою очередь, агенты и способны реагировать на действия государства, пусть и с использова-

¹ Lund C. Fragmented sovereignty: land reform and dispossession in Laos // *The Journal of Peasant Studies*. 2011. № 4 (38). P. 886.

² Li T. M. What is land? Assembling a resource for global investment // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2014. № 4 (39). P. 591.

³ McMichael P. Historicizing food sovereignty // *The Journal of Peasant Studies*. 2014. № 6 (41). P. 933–957.

⁴ Scott J.C. *The art of not being governed: an anarchist history of upland Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press, 2009. 442 p.

нием "оружия слабых". "Голос" корейских и китайских аграриев нельзя "услышать" в архивных материалах, которые в основном произведены в интересах государства. Для российского исследователя он малодоступен и сейчас, через методы этнографии и социологии. Однако даже сухие бюрократические отчеты в архивах дают косвенные указания на различные формы сопротивления иностранных аграриев российской власти и сотрудничества между ними.

Рубрика собрала пять статей. Они затрагивают разные периоды истории корейского и китайского присутствия в сельском хозяйстве России, но ухватили важные и интересные феномены в каждом из них: взаимодействие иностранных земледельцев и российской власти на этапе ее утверждения в Приморье и Приамурье во второй половине XIX – начале XX века; встраивание корейских земледельцев в формирующееся командно-распределительное хозяйство в раннесоветский период; приглашение совхозами первых китайских аграриев на этапе перестройки; развитие и трансформация китайских тепличных хозяйств в Сибири и на Урале в постсоветский период. В силу специфики изучаемых исторических периодов, источников, личных теоретических и методологических пристрастий статьи имеют разный исследовательский фокус, но одновременно обнажают противоречия, которые могут стать отправной точкой для последующих исследований.

Статья Т.З. Позняк открывает рубрику и посвящена представлениям чиновников Российской Империи о маньчжурском и китайском присутствии в сельском хозяйстве Приамурья и Приморья, практиках его регулирования и попытках иностранных крестьян отстоять свои права на владение и использование земельных и других ресурсов на территориях проживания. Через концепции "неподвластности" и "моральной экономики" Т.З. Позняк удалось показать разнообразные практики сопротивления иностранных крестьян – от физического насилия до ухода в неформальную экономику – нарастающему процессу установления и укрепления российского суверенитета в Приморье и Приамурье.

Несколько другой фокус для исследований практик сопротивления корейских земледельцев в раннесоветский период выбрала Н.П. Рыжова. В своей статье она задается следующим вопросом: если корейские крестьяне не проявляли публичного протеста в отношении насильственных практик советской власти по их переселению, то можно ли говорить в данном случае об отсутствии сопротивления и полном подчинении. Ее анализ дает отрицательный ответ – корейцы применяли практики рутинного сопротивления при организации своей сельскохозяйственной деятельности в Центральной Азии. Причем успешность этих практик зиждилась на фрагментарности и непоследовательности российского/советского государства, его неспособности предоставить надежную и устойчивую альтернативу традиционным практикам хозяйствования корейцев.

С.А. Иванов раскрывает другую сторону взаимодействия представителей государства с иностранными земледельцами на Дальнем Востоке. На примере сельского хозяйства Пограничного района Приморья в период перестройки он показывает, как формировалось низовое взаимодействие советской власти и китайских овощеводческих бригад, которые не связывали свою жизнь с российской территорией и занимались исключительно товарным производством. Используя идеи М. Фуко о связи власти и знания, исследователь фокусируется на управленческих и дискурсивных практиках локальной элиты в СССР, которые позволяли скрыть автономность и капиталистический характер китайских овощеводов, и представить их работниками совхозов.

Постсоветский период открывает статья Ю.О. Корешковой о китайских теплицах в Восточной Сибири. Следуя идеям Деланды об ассамбляжах и важности в них материальных объектов, она отказывается от бинарной логики "государство – иностранный аграрий" и раскрывает, насколько старая советская инфраструктура была важна для производственных и социальных отношений "китайской теплицы".

Рубрику закрывает работа А.А. Авдашкина и И.И. Фаткулиной. В ней авторы обращаются к живучести дискурсов о китайском присутствии, даже об отторжении земли и образовании анклавов в сельской местности мигрантами из Китая и Средней Азии. Авторы показывают, что несмотря на то, что в теплицах уже практически не встречаются китайцы, представления об их

"китайскости" наполняются все новым содержанием. "Китайская теплица" воображается как квинтэссенция мигрантскости, чуждых принимающей стороне архаичных практик, направленных на "захват" пространства "другими", нанесение ущерба "нам".

Н.П. Рыжова, С.А. Иванов